

Иерей Вячеслав Умнягин

**Скопинский помянник. Воспоминания Дмитрия Ивановича Журавлева /
Подгот. текста, предисл., коммент. Г.В. Зыковой, Е.Н. Пенской;
Нац. исслед. ун-т ВШЭ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 384 с.**

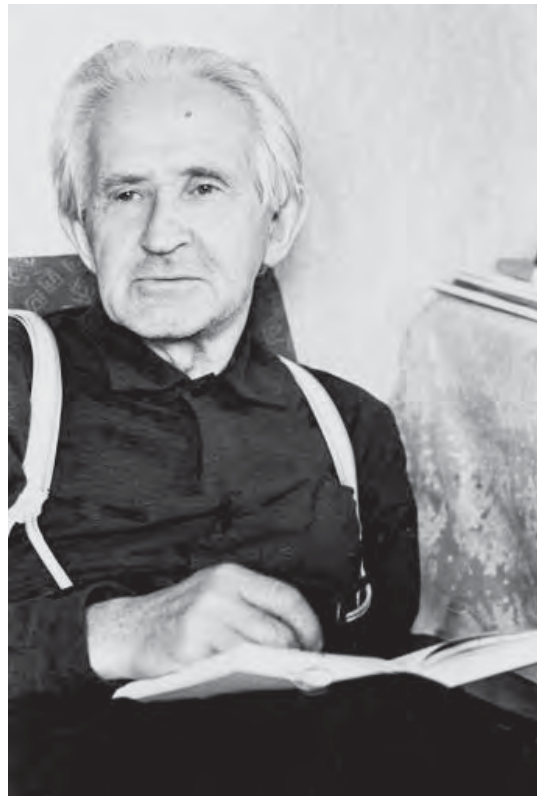
«Скопинский помянник» – дневниковый по своему характеру, основанный на семейных преданиях и личных наблюдениях, рассказ о жизни и обитателях города Скопина и одноименного уезда Рязанской губернии в XIX – начале XX в.

Автор воспоминаний – представитель старинного рода местного духовенства – Дмитрий Иванович Журавлев (1901–1979), дядя профессора филологического факультета МГУ Анны Ивановны Журавлевой, в архиве которой и был обнаружен этот примечательный документ.

Получив церковное воспитание и среднее духовное образование, в зрелые годы мемуарист достиг докторской степени, стал профессором кафедры физики московского Института землеустройства, а уйдя на пенсию, полностью посвятил себя работе над фамильной летописью, считая увековечивание памяти о малой родине и собственном роде едва ли не главным делом и долгом своей жизни.

Усилия по сохранению того ценного и святого, что в памяти обычно связывается с местами детства и самыми близкими людьми, сопровождались попытками «реконструкции» скопинского пространства в Москве. Упомянутый факт позволяет отнести опубликованные материалы не просто в разряд исторических источников, но воспринимать их в качестве проекта семейного музея, работу над которым, как и свои краеведческие изыскания, сам ученый именовал «практической философией».

Литературную часть мемориального наследия составляет свод разрозненных, не всегда датированных машинописных и рукописных записей (первые из них от-

Д.И. Журавлев, 1970-е (фото В.Т. Стигнеева)

носятся к 1914 г.), в которых «события далекого прошлого соотносятся с 1960–1970 гг.», когда семейный летописец, не без влияния историко-литературных занятий своей племянницы, приступил к переосмыслению накопленного опыта и материалов.

Книга состоит из двух десятков глав, повествующих о патриархальном укладе уездного общества, неторопливо-закономерном ходе его жизни, особенно заметном в среде представителей духовного сословия, наследующих и передающих по наследству место и форму своего служения. Описания событий церковного года напоминают прозу Лескова и Шмелева, они погружают читателя в обаятельную простоту семейного быта. Издание весьма информативно и вполне достоверно особенно там, где писатель опирается на собственные впечатления или письменные документы. В местах передачи чужих рассказов, наоборот, встречаются расхождения с другими свидетельствами, что отражено в многочисленных комментариях и вступительной статьей составителей.

К важнейшим вехам, повлиявшим на формирование мемуариста, относятся следующие события. Смерть деда и последовавшая за ней потеря древнего родового гнезда («Больше ста лет место, не меньше полутора столетий усадьба переходили из рода в род в нашей семье. Теперь КОНЕЦ <...>. Новый дьякон получил усадьбу бесплатно, ибо она церковная, а постройки за бесценок, продать другим можно только на слом»), гибель старшего брата, обозначившая резкую границу между счастливым радостным детством и всей последующей тяжелой жизнью («После тяжелой травмы – смерти Сережи я совсем замкнулся в себе»), полное символизма изъятие пчел и отеческого дома в начале 1930-х гг. («Так вслед за пчельником кончилось и свое гнездо»), а также отказ отца от священнического сана («арестовали, остригли, допросы, комедия суда с приговором “три года тюрьмы, два года ссылки”»), закрывшего под действием внешних обстоятельств важнейшую страницу в истории рода.

Отличительной чертой мировоззрения Д.И. Журавлева является неизменно уважительное отношение к представителям старшего поколения. В первую очередь к отцу («отец для мальчиков наивысший авторитет») и другим родственникам, среди которых настоятели Свято-Троицкой Сергиевой лавры и Саввино-Сторожевского монастыря, сельские батюшки, диаконы, псаломщики и их жены, память о которых составляет основу семейного предания. Благоговейные упоминания церковных праздников и богослужения с простыми, но емкими объяснениями их происхождения и особенностей, без какого-либо внутреннего конфликта сочетается у мемуариста с научным подходом к жизни, который не терпит предрассудков, но и не грешит мертвящим позитивизмом.

Тихую скорбь в его душе вызывает вид разрушенных храмов, заброшенных погостов, пустота некогда полных жизни мест. Но все это без излишнего томления и экспрессии, несвойственной литературному стилю писателя, способного говорить просто о самых сложных, но весьма поучительных вещах. Подобному отношению к происходящему вполне созвучно «теории свечи», которую сам автор интерпретирует следующим образом: «Жизнь человека как свеча: теплится тихо, спокойно – светит долго, выполняя свое назначение; но быстро и бесполезно сгорает, если полыхает бурно». Такой, подобно мерно горящей свече, была породившая его сословная среда, так, судя по всему, прожил он свою жизнь, оставив удивительно тихие и спокойные воспоминания об относительно тихих и спокойных временах.

Подход к Журавинке из Вороновки, 1954 г.

Повышенный интерес к отечествоведению нельзя объяснить только личной склонностью мемуариста, а его литературный труд вписать в строгие каноны семейных хроник и краеведческих заметок предшествующих, менее динамичных эпох. В скрупулезном, порой избыточном описании мельчайших деталей ускользающего прошлого (дощечка от дорожного сундука, яйцо цесарки, большие старинные часы, кусок мореного дуба, граммофонные пластинки, иконы и многое другое) прослеживается характерная особенность минувшего столетия. Периода, когда «трагедия старинных российских местностей – сел и деревень, разоренных хаосом войны и продразверсткой, городов, в произволе нового хозяйственного планирования утративших свое историческое значение и место в политэкономической картины родины, болью отозвалась в сердцах писателей (а говоря шире, образованных, склонных к литературной рефлексии и болеющих за судьбу своего края людей. – В. У.), выдвинув “драматическую местность” в структурно-конструктивный, определяющий момент их творчества»¹.

Прощенский колодец в Скопине, 1927 г.

Монашка Маша, 1927 г.

Условное (предложенное издателями, но очень верное) название, указывает на соотнесенность воспоминаний с другой не менее мощной и укорененной в национальном сознании традицией. Книга представляет собой не просто семейную сагу, но своеобразный церковный синодик, раскрывающий имена и обстоятельства жизни от века почивших православных христиан в контексте религиозного осознания собственного и общественного бытия. Такое понимание памяти, самой истории как формы духовного делания очевидным образом пересекается с идеями многих отечественных мыслителей XIX–XX вв., воспринимавших борьбу за вечность в литургической форме. Напомним, что в переводе с греческого языка литургия означает не что иное, как «служение» и «общее дело». Не случайно родоначальник филосо-

¹ *Московская Д.С.* Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг. (К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения). М.: ИМЛИ, 2010. С. 5.

фии «общего дела» Н.Ф. Федоров, оставивший заметный след в российской науке и культуре, рассматривал синодик-помянник, «хранящей благоговейную память о прошлом, книгою юбилеев, почерпающею в прославлении прошлого любовь, воспитывающею настоящее и уясняющею задачи будущего, и наконец, – справочно-наставительною, образовательною книгою <...>, научающих сынов и дочерей человеческого долгу перед родителями и путям к его выполнению»².

Рассказ об ушедшей эпохе, разворачивающийся перед читателями в бытовых подробностях семейного уклада сельских и городских священнослужителей, вслед за составителями, можно отнести к одному из главных достоинств опубликованного документа. Не менее важным при оценке издания является его обращение к истории одного из древнейших рязанских урочищ, которое так разносторонне и так полно еще не описывалось. Отдельно стоит выделить внимание автора к традициям русского духовенства, которое придает воспоминаниям не только научно-просветительское, но и миссионерское значение.

Естественным недостатком историко-краеведческого фокуса книги стала некоторая недосказанность о последующих годах жизни писателя и окружающих его людей. Подобная недостаточность может быть восполнена в случае продолжения публикации литературного наследия Д.И. Журавлева, которое включает, по словам составителей, философские и этико-религиозные трактаты, позволяющие раскрыть онтологические основания его мемуарно-краеведческих изысканий и прожитого мемуаристом времени.

В материале использованы фото из архива А.И. Журавлевой. – *Ред.*

² Федоров Н.Ф. Для чего нужен календарь // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 69.